

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ГЕНЕТИКИ В «ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ» ПЕРИОД
(1970-е – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-х гг.)
(НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА)**

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ ШАЛИМОВ *

В статье рассматривается социальная история генетики в СССР в период 1970-х – первой половины 1980-х гг. Преимущественно на материалах Института цитологии и генетики СО АН СССР характеризуются материально-техническая инфраструктура, политико-идеологический контекст генетических исследований, а также международные связи ученых-генетиков. На основании широкого круга еще не введенных в научный оборот архивных документов показан сложный процесс преодоления советской генетикой последствий лысенковщины. При этом развитие генетики рассмотрено во взаимосвязи с политико-экономической ситуацией в СССР. В рассматриваемый период условия для развития науки о наследственности стали более благоприятными в сравнении с годами «сталинизма» и «оттепели». Тем не менее деструктивное влияние оказывали рецидивы «лысенковщины», что особенно ярко проявлялось в фактическом запрете на критику Т. Д. Лысенко, отсутствии объективной истории генетики. Другим негативным фактором было недостаточное материально-техническое обеспечение исследований. Международные контакты советских ученых-генетиков значительно осложнялись «железным занавесом», трудностями с получением командировок советскими учеными, языковым барьером, ухудшением отношений между СССР и США. Таким образом, в рассматриваемые годы произошли определенные позитивные изменения в развитии генетики в СССР. Однако обозначенные трудности не позволили в полной мере преодолеть наследие лысенковщины.

Ключевые слова: история генетики, история СССР, Т. Д. Лысенко, социальная история науки, Новосибирский научный центр, Институт цитологии и генетики СО РАН, Д. К. Беляев.

* Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5. E-mail: sshal85@mail.ru.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-33-01295.

ON THE SOCIAL HISTORY OF GENETICS DURING THE LATE SOVIET PERIOD (1970s – FIRST HALF OF THE 1980s). MATERIALS FROM THE NOVOSIBIRSK RESEARCH CENTER

SERGEI VIKTOROVICH SHALIMOV [□]

During the 1970s, the development of Soviet genetics still faced some lasting aftereffects from the period of Lysenko's rule. Support for research on heredity had resumed, but an open critique of the earlier abuses in the history of Soviet genetics was not permitted. International exchanges in science were complicated by Cold War political, bureaucratic, and language barriers. By focusing on archival documents and materials from the Cytology and Genetics Institute of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, the article discusses the development of the material infrastructure for research, the political and ideological context of geneticists' work, and their contacts with foreign colleagues.

Keywords: history of genetics, Soviet history, T. D. Lysenko, social history of science, Novosibirsk Research Center, Institute of Cytology and Genetics, D. K. Beliaev.

В истории СССР период 1970-х – первой половины 1980-х гг. стал временем усиления идеологического контроля и подавления зарождавшегося инакомыслия, а также общего усиления консервативных тенденций. Вместе с тем данная эпоха, получившая название «застоя», порой воспринимается немалой частью российского общества в качестве своего рода «золотого века», который характеризовался определенным набором социальных гарантий, уверенностью в завтрашнем дне, высоким международным статусом страны и т. д.

Подобного рода противоречивость была характерна и для истории советской науки того времени. В данной статье этот интересный сюжет будет рассмотрен на примере истории советской генетики, а еще точнее, на примере истории Института цитологии и генетики СО РАН (до 1991 г. – Институт цитологии и генетики СО АН СССР). Организованный в 1957 г. в Новосибирском научном центре, на несколько десятилетий он стал одним из самых крупных генетических центров в стране.

Несмотря на значительную потенциальную ценность, история генетики в новосибирском Академгородке исследована недостаточно. Имеется ряд публикаций, в какой-то мере затрагивающих эту тему, среди которых следует назвать фундаментальный труд известного американского историка П. Джозефсона ¹, исследования Н. А. Куперштох ², а также монографию и ряд публикаций автора настоящей статьи ³. При этом работы Джозефсона и Куперш-

[□] St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences. Universitetskaya nab., 5, St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: sshal85@mail.ru.

¹ *Josephson, P.* New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 82–119.

² *Куперштох Н. А.* Кадровая академической науки в Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 58–69; *Куперштох Н. А.* Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск: Гео, 2011. Вып. 1. С. 122–131.

³ *Шалимов С. В.* «Спасение и возрождение»: исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964). Новосибирск: Манускрипт, 2011.

тох посвящены более общей тематике, а развитие генетики рассматривается в них лишь в рамках соответствующих разделов, написанных на материалах Института цитологии и генетики СО АН / СО РАН. К тому же названные авторы делают разные выводы. По мнению Куперштох, рассматриваемый период был временем значительных научных достижений, стремительного роста кадров⁴. В книге же Джозефсона утверждается, что

десятилетия «лысенкоизма» и доступность лишь элементарного экспериментального оборудования никогда не позволяли генетикам преуспевать⁵.

В свою очередь книга автора настоящей статьи ограничивается верхней хронологической границей «оттепели» (1964). Таким образом, период 1970-х – первой половины 1980-х гг. в истории науки о наследственности в Новосибирском научном центре нуждается в отдельном историческом исследовании. В данной работе будут рассмотрены три важных аспекта в развитии генетики: материально-техническое обеспечение генетических исследований, политико-идеологические коллизии 1970–1980-х гг., а также международные контакты советских генетиков. Данный анализ проведен преимущественно на основе архивных документов и материалов устной истории, впервые вводимых в научный оборот.

Материально-техническая база генетических исследований

Говоря о научно-технической политике в эпоху «развитого социализма», следует прежде всего отметить ряд объективных факторов. Несмотря на то что в годы правления Л. И. Брежнева развитие науки являлось одним из главных приоритетов, общеисторический контекст определялся нарастанием «застойных тенденций». Если в первой половине 1970-х гг. сохранялась относительная стабильность экономики, то с середины десятилетия впервые в истории СССР начинается резкое падение темпов экономического роста, замедление научно-технического прогресса. Наряду с деградацией высшего руководства и проявлением коррупции, все это свидетельствовало о нарастающем кризисе системы. Кроме того, снижался социальный статус научно-технической интеллигенции. Как известно, начиная со времен Н. С. Хрущева постепенно уменьшались привилегии научных работников, что было особенно заметно на фоне быстрого роста зарплаты других слоев населения. Негативные черты общественно-политической и экономической жизни советского общества 1970-х – первой половины 1980-х гг. оказывали существенное влияние на всю советскую науку.

Помимо этого необходимо также подчеркнуть изменения в статусе Сибирского отделения АН СССР, которое в рассматриваемые годы стремительно теряет свои позиции. Напомним, после отставки Н. С. Хрущева (1964) председатель СО АН М. А. Лаврентьев лишился своего главного покровителя.

⁴ Куперштох. Очерки о лидерах... С. 127–130.

⁵ Josephson. New Atlantis Revisited... P. 83.

В результате вплоть до ухода Лаврентьева со своего поста (1975) политика правящих кругов по отношению к СО АН отличалась отсутствием прежнего внимания и нередко пренебрежением.

Тем не менее, согласно воспоминаниям некоторых ветеранов-генетиков, данный период был весьма благоприятным, особенно в сравнении с последующими «перестройкой» и «лихими девяностыми»⁶. Такая позитивная оценка подтверждается рядом материалов по Институту цитологии и генетики (ИЦиГ) СО АН. В частности, по данным целого ряда комплексных проверок, проведенных президиумами Академии наук СССР и ее Сибирского отделения, институт получал весьма высокие оценки. В заключениях проверявших комиссий подчеркивалось, что институт является одним из наиболее крупных научно-исследовательских учреждений страны в сфере генетики, ведет важные фундаментальные исследования, обладает высококвалифицированными кадрами и имеет большой авторитет как внутри страны, так и за рубежом.

Так, по результатам такого рода проверки бюро Отделения общей биологии АН СССР в своем постановлении от 9 марта 1978 г. отмечало:

Институт является крупным в нашей стране научным центром, в котором разрабатываются актуальные проблемы современной генетики и цитологии.

В документе также подчеркивалось:

Проводимые в институте исследования в целом отличаются высоким теоретическим уровнем и осуществляются с использованием современных методов⁷.

И в постановлении Президиума СО АН СССР от 15 января 1986 г., подготовленном на основании проведенной в 1985 г. проверки, сообщалось:

Институт цитологии и генетики является ведущим научным учреждением по проблемам современной генетики, цитологии, физико-химической биологии [...] В институте получены важные результаты по многим направлениям современной генетики...⁸

Вместе с тем, несмотря на приведенные позитивные отзывы об ИЦиГ СО АН, общее состояние генетических исследований в стране в середине 1980-х гг. вызывало у руководства Академии наук определенные опасения. Так, на заседании бюро Отделения общей биологии АН СССР 19 ноября 1986 г. состоялось обсуждение прогноза «О состоянии и развитии фундаментальных исследований по генетике, генетическим методам селекции на две-

⁶ Личный архив автора. Интервью с доктором биологических наук, профессором С. И. Малецким от 16 февраля 2012 г. Малецкий Станислав Игнатьевич (р. 1938) – заведующий лабораторией популяционной генетики растений Института цитологии и генетики СО РАН. В ИЦиГ СО АН – с 1961 г. Профессор Новосибирского государственного аграрного университета.

⁷ Научный архив Сибирского отделения Российской академии наук (НАСО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 247. Л. 53.

⁸ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 375. Л. 41.

надцатую пятилетку и на перспективу до 2000 года». В докладе по этому вопросу члена-корреспондента В. А. Струнникова⁹, в частности, отмечалось:

...в начале этого года бюро отделения рассматривало работу нашего ученого совета по проблеме генетики и селекции. На этом бюро отделения было отмечено, что, несмотря на некоторые успехи в области исследований по генетике, все же исследования наши в последнее время заметно отстают от уровня зарубежных работ в этой области. И на этом заседании были довольно бурные выступления и по поводу состояния генетики, и особенно по состоянию генетических кадров.

Кроме того, в выступлении подчеркивалось:

Несомненно одно, что генетика дала целый ряд выдающихся, впечатляющих открытий, и несомненно, что она чревата точно такими же, если не более важными открытиями в ближайшее время. Если мы не поднимем уровень наших генетических исследований, наши возможности учреждений, то мы будем в хвосте этих ожидаемых больших открытий¹⁰.

Одним из главных факторов, замедлявших развитие науки о наследственности, было состояние материально-технической базы. В частности, Институт цитологии и генетики СО АН, как и в предшествующие годы, продолжал испытывать определенные трудности в материально-техническом обеспечении: дефицит реактивов, необходимых для исследований приборов и оборудования, недостаток производственных площадей. Все эти недостатки нашли отражение в материалах партийного делопроизводства института.

Так, на партийном собрании, проходившем 1 ноября 1978 г., сотрудник института И. И. Кикнадзе сказала:

Условия работы в институте таковы, что научная деятельность становится неэффективной. Мы бесконечно попрошайничаем при поездках за границу. Заявки не выполняются ни по реактивам, ни по посуде, ни по приборам. В стране у нас не производятся многие реактивы, которые могли бы выпускаться. Как можно работать в таких условиях, как можно что-то планировать?¹¹

На другом партийном собрании, состоявшемся 17 декабря 1980 г., она же сетовала:

Наши лаборатории не могут работать без необходимых реактивов. Нельзя же работать постоянно на тех реактивах, которые привозятся в карманах. Так и в теплицах без необходимого освещения растения не растут, они просто существуют¹².

⁹ Струнников Владимир Александрович (1914–2005) – генетик, академик АН СССР. Президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н. И. Вавилова (ВОГиС) в 1982–1992 гг.

¹⁰ Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1677. Оп. 1. Д. 232. Л. 2, 10.

¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 269. Оп. 6. Д. 747. Л. 45.

¹² ГАО. Ф. 269. Оп. 6. Д. 749. Л. 71.

Кроме того, в конце 1970-х – начале 1980-х гг. все более заметным становится экономический кризис в СССР, который применительно к новосибирским генетикам проявился в сокращении финансирования, в проблемах с получением научной литературы и периодики из-за рубежа.

Например, на партийном собрании института, проходившем 14 марта 1979 г., главный бухгалтер Е. И. Малахова сказала: «Институт должен “потуже затянуть ремешок”, так как финансирование не увеличивается и даже не на одном уровне – оно уменьшается»¹³.

В свою очередь, на партийном собрании 17 октября 1979 г. уже упоминавшаяся Кикнадзе в своем выступлении отметила следующее:

О работе библиотеки. В настоящее время институт лишен возможности выписать ряд иностранных журналов в связи с их подорожанием (при этом валютные фонды института не изменились). Так работать нельзя и вопрос все-таки должен как-то решаться, иначе институт превратится в заштатное провинциальное учреждение, так как это не Москва и не Ленинград – здесь даже ГПНТБ¹⁴ не все журналы получает¹⁵.

Касаясь работы библиотеки, уместно привести материалы заседания партбюро от 22 апреля 1981 г., на котором обсуждалась ее работа. В частности, С. А. Чернобай, отмечая, что «библиотека наша одна из лучших, фонд составляет 80 000», тем не менее сказал:

Некоторые книги и журналы имеются в магазине «Иностранная книга», мы их покупаем, с тем чтобы меньше тратить валюты. Магазин заявления принимает, но нужны деньги. За последние годы все книги и журналы подорожали примерно втрое, вместе с тем сумма, отпускаемая на библиотеку, остается прежней¹⁶.

Директор института Д. К. Беляев¹⁷, выступая на открытом партийном собрании 13 октября 1982 г., сообщил: «Главными сейчас должны быть следующие задачи [...] Жить в режиме жесткой нарастающей экономии. При этом штаты института будут постоянно сокращаться»¹⁸.

В свою очередь, на отчетно-выборном партийном собрании от 20 октября 1982 г. О. К. Баранов говорил о новых внешних условиях работы инсти-

¹³ ГАНО. Ф. 269. Оп. 6. Д. 748. Л. 3.

¹⁴ ГПНТБ СО АН СССР – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Академии наук (ныне – ГПНТБ СО РАН). Она была и остается главной библиотекой города Новосибирска.

¹⁵ ГАНО. Ф. 269. Оп. 6. Д. 748. Л. 16.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 750. Л. 99–100.

¹⁷ Беляев Дмитрий Константинович (1917–1985) – специалист в области общей биологии, генетики, теории эволюции и селекции животных. Действительный член АН СССР (1972). Возглавлял Институт цитологии и генетики СО АН СССР с 1959 по 1985 г. Член президиума (1966–1985) и зам. председателя Президиума СО АН СССР (1976–1985), председатель Сибирского отделения ВОГиС им. Н. И. Вавилова (1967–1977), председатель Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР (1968–1985). Президент Международной генетической федерации (1978–1983).

¹⁸ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 751. Л. 15.

тута. Помимо прочего, он отметил усложнившуюся международную обстановку и соответствующие затруднения валютного обеспечения науки¹⁹. Характерно и постановление названного собрания, в котором присутствовала следующая фраза: «Всем коммунистам постоянно соблюдать режим строжайшей экономии электроэнергии, оборудования и других материальных ресурсов...»²⁰

Рассматриваемые проблемы нашли отражение не только в материалах партийного делопроизводства, но и в научно-организационных документах. В наиболее концентрированном виде названные трудности были обозначены в отчетах о научно-исследовательской деятельности института, а также в материалах комплексных проверок.

Так, в отчете о научной и научно-организационной деятельности Института цитологии и генетики СО АН СССР за 1973 г. сообщалось:

Недостатками в работе института является недостаточное снабжение некоторыми реактивами, ферментами, красителями, приборами, в том числе хорошей микроскопической техникой²¹.

Об этом же говорилось в подобном отчете за 1981 г.:

...институт испытывает ряд трудностей, обусловленных недостаточным и нерегулярным снабжением института важными для проведения исследований на современном уровне высокоочищенными реактивами, препаратами, изотопами, средами, уникальной аппаратурой [...] Научные и вспомогательные подразделения института испытывают недостаток рабочих площадей²².

В январе 1978 г. комиссией Президиума Академии наук в институте была проведена комплексная проверка. В подготовленном по результатам проверки заключении были указаны некоторые трудности в работе научного коллектива:

Недостаточно и нерегулярно обеспечение института важными для проведения научных исследований высокоочищенными реактивами, препаратами, средствами и уникальной аппаратурой.

Также в документе сообщалось:

Научные и вспомогательные подразделения института размещены в нескольких зданиях Академгородка и испытывают недостаток рабочих площадей²³.

По итогам проверки 13 января того же года состоялось заседание ученого совета института, на котором выступал председатель комиссии член-корреспондент АН СССР Т. М. Турпаев. Он отметил, что некоторые замечания

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 26.

²¹ НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 599. Л. 42.

²² НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1392. Л. 60.

²³ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 247. Л. 61–62.

объективны и не могут быть преодолены силами одного лишь института. В частности, было сказано, что недостаточное обеспечение института «зависит от общего состояния дел в стране»²⁴.

Аналогичные проблемы были изложены и в заключении комиссии Президиума Академии наук, проверявшей институт в мае 1981 г. Здесь вновь говорилось о недостаточном снабжении института и о нехватке рабочих площадей. В этом же архивном деле имеется справка о состоянии дел в институте и предложения по улучшению ситуации, подготовленные его руководством. Так, сообщалось:

Оборудование, которым располагает институт, очень интенсивно используется, амортизируется и в последние годы не обновляется [...] На протяжении почти десяти лет институт не получает качественных микроскопов (из ГДР)²⁵.

Вместе с тем некоторые позитивные изменения все же происходили. Например, согласно воспоминаниям В. А. Драгавцева²⁶, Институт цитологии и генетики СО АН был оборудован достаточно хорошо, особенно в сравнении с некоторыми другими институтами биологического профиля. Более того, зарубежные ученые, посещавшие институт, также отмечали высокий уровень оснащённости учреждения²⁷.

Действительно, в октябре 1971 г. институт принимал делегацию из ГДР, и в протоколе о приеме немецких ученых сообщалось: «Немецкие коллеги завидуют возможности работать в институте современными методами, пользоваться новейшим оборудованием»²⁸.

Характерное заявление было сделано на заседании ученого совета института, проходившего 10 сентября 1974 г. и посвященного результатам очередной комплексной проверки. В частности, член проверявшей комиссии М. С. Мицкевич отметил: «Ваши лаборатории ни в коей мере не хуже иностранных»²⁹.

Тем не менее значительная часть архивных документов говорит о серьезных трудностях в области материально-технического обеспечения. При этом еще в 1969 г. Беляев сделал доклад на специальном заседании Академии наук, посвященном состоянию и дальнейшим перспективам развития генетики в СССР. В своем выступлении он отметил, что недостатки материально-технического обеспечения создавали значительные трудности для развития отечественной генетики и для ее выхода на новые рубежи в мировой

²⁴ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 268. Л. 2.

²⁵ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 307. Л. 60.

²⁶ Виктор Александрович Драгавцев (р. 1935) – доктор биологических наук, академик Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН). Работал в ИЦиГ СО АН СССР с 1968 по 1985 г. В 1990–2005 гг. – директор Всероссийского института растениеводства им. Н. И. Вавилова РАСХН. В настоящее время главный научный сотрудник Агрофизического института РАСХН.

²⁷ Личный архив автора. Интервью с доктором биологических наук, академиком РАСХН В. А. Драгавцевым от 25 марта 2012 г.

²⁸ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 211. Л. 168.

²⁹ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 227. Л. 66.

науке³⁰. Однако коренных изменений не произошло. В 1985 г. в постановлении Сибирского отделения Академии наук СССР о результатах комплексной проверки Института цитологии и генетики снова сообщалось, что «институт испытывает недостаток производственных площадей». Также в документе подчеркивалось:

Развитие и укрепление научно-технической базы института сдерживается недостаточным и нерегулярным обеспечением высокоочищенных реактивов, препаратами, оборудованием³¹.

Тем самым одной из самых главных проблем, значительно тормозившей развитие генетики, являлось материально-техническое обеспечение исследований. Так, в уже упоминавшемся докладе члена-корреспондента АН СССР В. А. Струнникова о состоянии генетики, сделанном в 1986 г., говорилось о причинах отставания и о возможных мероприятиях для его преодоления. В частности, подчеркивалось, что

следует принять эффективные и срочные меры по производству современного оборудования и реактивов в СССР, создать быстро для широкого использования условия для использования средств ЭВМ в научных исследованиях, сократить сроки поставок оборудования и реактивов по заявкам с двух лет до нескольких месяцев, организовать сеть вивариев, коллекций растений и экспериментальных баз, отвечающих потребностям современной науки, организовать программу исследований по генетике с лучшими зарубежными лабораториями³².

Кроме того, в докладе сообщалось о необходимости «коренным образом улучшить подготовку кадров в сельскохозяйственных, медицинских и педагогических вузах и университетах»³³. Струнников упомянул и о проблемах финансирования научных исследований:

У нас получается так, что за рубежом или у нас возникает новое направление, нет финансирования, очень длительно протекает процесс включения нового направления, особенно если это требует определенных

³⁰ Состояние и дальнейшее развитие генетики в СССР // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 5. В подтверждение слов Беляева сошлемся на протокол заседания президиума АН СССР, проходившего 11 апреля 1969 г. На упомянутом заседании рассматривалась деятельность Института общей генетики АН СССР по результатам проведенной проверки. Особый интерес здесь представляет доклад Н. В. Турбина о работе проверявшей комиссии. Так, он сказал: «Институт общей генетики работает в отвратительных условиях, страшная скученность, здание совершенно не приспособлено. А ведь этот институт рассматривается как центр в области генетики, как главный институт. Просто стыдно кого-то привести туда, а между тем институт имеет большие международные связи. Я побывал во многих генетических институтах за рубежом и должен сказать, что наш институт по сравнению с генетическими учреждениями даже таких маленьких стран, как Швеция, например, оставляет очень жалкое впечатление» (АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 770. Л. 156).

³¹ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 375. Л. 43.

³² АРАН. Ф. 1677. Оп. 1. Д. 232. Л. 8.

³³ Там же. Л. 6.

вложений, тогда, естественно, мы начинаем очень сильно отставать от передовых разработок³⁴.

Подобные заключения мы встречаем и в целом ряде других документов. Так, 24–25 марта 1983 г. проходил пленум Центрального совета ВОГиС и Научного совета АН СССР по проблемам генетики и селекции. В решении названного заседания сообщалось:

Многие научно-исследовательские учреждения АН СССР, АН союзных республик и ВАСХНИЛ все еще не имеют необходимых условий для проведения селекционно-генетических работ на современном уровне. Ощущается нехватка теплиц, камер искусственного климата, современного научного оборудования, полей с должным уровнем механизации опытных работ, отсутствуют хорошие виварии для подопытных животных³⁵.

В свою очередь, 25–27 июня 1985 г. подобный пленум проходил в Ленинграде – Гатчине. В решении данного заседания также подчеркивалось:

Обсуждение состояния генетики в Северо-Западном районе и по стране в целом показало, что фронт работ и материально-техническое обеспечение исследований по генетике, в частности, по эволюционной генетике, не во всех случаях соответствует мировому уровню научно-технического прогресса [...] Неудовлетворительно обстоит дело с преподаванием генетики во многих вузах, а в сельскохозяйственных вузах экзамен по генетике вообще отменен [...] На фоне резкой интенсификации работ по современной генетике в развитых странах, значительных капитальных вложений в исследования по разработке фундаментальных и прикладных аспектов генетики, отечественная генетика развивается недопустимо медленно³⁶.

При этом в последующие годы, уже на закате перестройки, ситуация только ухудшалась. В данном контексте весьма симптоматичным был пленум Научного совета АН СССР по проблемам генетики и селекции, проходивший 3–5 октября 1990 г. в Киеве. Надо сказать, что на рассматриваемом заседании еще обсуждалась программа, направленная на «устранение отставания отечественной генетики от мирового уровня». В то же время особое беспокойство вызывало практическое прекращение выделения институтам иностранной валюты. В связи с этим в решении пленума подчеркивалось:

...практическое прекращение инвалютного ассигнования институтов, снятие централизованного финансирования фундаментальных генетических исследований еще больше усугубляет и без того недостаточно высокий уровень генетико-селекционных исследований в стране³⁷.

В связи с этим правомерно поставить вопрос о причинах сложившегося положения. Как известно, на рубеже 1960-х – 1970-х гг. руководство Акаде-

³⁴ Там же. Л. 4.

³⁵ АРАН. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 14. Л. 91–92.

³⁶ Там же. Л. 116–117.

³⁷ АРАН. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 15. Л. 25–26.

мии наук СССР в области развития биологии отдало предпочтение физико-химическим методам исследования. Этот принцип был положен в основу целого ряда решений, которые в условиях централизованной плановой системы финансирования позволили поддерживать весьма достойный уровень исследований в области физико-химической биологии. Вместе с тем данные прагматичные решения не всегда позволяли развивать другие актуальные направления естествознания, требовавшие значительных вложений в экспериментальную науку и высшее специальное образование³⁸.

Одним из таких ключевых решений было известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 апреля 1974 г. «О мерах по ускорению развития молекулярной биологии и молекулярной генетики и использованию их достижений в народном хозяйстве», сыгравшее важную роль в истории отечественной биологии. Следует подчеркнуть, что определенные предпочтения от подобных решений имел и Институт цитологии и генетики СО АН³⁹, где заведовал лабораторией основатель сибирской школы молекулярных генетиков Р. И. Салганик⁴⁰. Однако нельзя исключать, что исследования в области классической генетики, преобладавшие в ИЦиГ СО АН и в ряде других учреждениях генетического профиля, могли испытывать некоторый дефицит материальных ресурсов и финансирования именно по причине приоритета физико-химической биологии⁴¹. Впрочем, приведенное мнение является лишь гипотезой, нуждающейся в дальнейшем исследовании.

³⁸ Левина Е. С. Организация науки в СССР 1960–1970-х гг.: прогноз В. А. Энгельгардта // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 4. С. 65. Приоритет в распределении финансирования рельефно отображает стенограмма заседания Объединенного ученого совета по биологическим наукам Сибирского отделения АН СССР от 20 февраля 1984 г. Помимо прочего на данном заседании ученый секретарь совета М. В. Высоцкий рассказал о дополнительных источниках финансирования институтов биологического профиля СО АН в 1982–1983 гг. Из его слов следовало, что максимальное выделение средств было по программе физико-химической биологии и биотехнологии (1 млн 700 тыс. руб. в год), затем следовали Продовольственная программа (1 млн) и программа «Сибирь» (500 тыс.). Более того, он отметил, что в рассматриваемые годы институты, в том числе благодаря названным дополнительным доходам, существенно улучшили свое финансирование и «не жалуются на нехватку денег» (НАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111. Л. 26–27).

³⁹ В частности, 20 февраля 1984 г. на заседании Объединенного ученого совета по биологическим наукам Сибирского отделения АН СССР ученый секретарь совета М. В. Высоцкий сказал: «Институт цитологии и генетики получает довольно существенные дотации по бюджетному финансированию за счет резерва Госкомитета по финансированию целевой программы по физико-химической биологии и биотехнологии» (НАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111. Л. 17.).

⁴⁰ Рудольф Иосифович Салганик (р. 1923) – биохимик, специалист в области биохимии и молекулярной генетики. Действительный член РАН (1992). В ИЦиГ СО АН / СО РАН работал с 1957 г.: зав. лабораторией (1957–1987), зав. отделом молекулярной генетики (1987–2000), ведущим научным сотрудником (2000–2006), зам. директора по научной работе (1961–1994). Лауреат Государственной премии СССР (1979) и Ленинской премии (1990).

⁴¹ Между тем имеются и более резкие оценки в отношении приоритета физико-химической биологии. Так, по мнению некоторых ветеранов-генетиков, данная тенденция, заложенная в 1970-е гг., привела к тому, что классическая «вавиловская» генетика оказалась фактически поглощенной молекулярной биологией (См., например: Личный архив автора. Интервью с доктором биологических наук, профессором С. И. Малецким от 16 февраля 2012 г.). Симптоматично, что еще в ноябре 1965 г. на одном из заседаний Бюро Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР известный советский ученый-генетик И. А. Рапопорт предостерегал: «Генетика сейчас находится под “угрозой” подавления биохимией и поэтому правильная структура и направление работ совета имеют очень важное значение» (АРАН. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.).

Видимо, заинтересованность государства в развитии молекулярной биологии не в последнюю очередь объяснялась потребностями военно-промышленного комплекса, нуждавшегося в средствах защиты от биологического оружия. В данном контексте весьма показателен пример самого масштабного и удачного проекта в истории СО АН / СО РАН. Речь идет о создании крупнейшего в мире научно-производственного биотехнологического комплекса в пос. Кольцово близ Новосибирского научного центра. В 1974 г. здесь был организован Всесоюзный институт молекулярной биологии в системе Главного управления микробиологической промышленности при Совете Министров СССР. В 1985 г. на его базе было создано научно-производственное объединение «Вектор», которое в 1994 г. получило статус Государственного центра вирусологии и биотехнологии. Важную роль в становлении нового научного центра сыграло Сибирское отделение АН, в том числе предоставив производственные площади в новосибирском Академгородке ⁴².

При этом следует иметь в виду, что научные учреждения, работавшие в области молекулярной биологии, также сталкивались с проблемами материально-технического обеспечения. Это иллюстрирует письмо вице-президента АН, председателя Межведомственного научно-технического совета по проблемам физико-химической биологии и биотехнологии академика Ю. А. Овчинникова члену Политбюро ЦК КПСС К. У. Черненко от 28 декабря 1982 г. В своем послании он информирует о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 июня 1981 г. «О дальнейшем развитии физико-химической биологии и биотехнологии и использовании их достижений в медицине, сельском хозяйстве и промышленности».

Говоря о достижениях советских ученых, Овчинников отмечает:

В Советском Союзе, в ведущих лабораториях Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР и Главмикробиопрома за последние годы достигнут высокий уровень исследований, который ставит нашу страну на одно из первых мест в мире в этой области, а по ряду направлений молекулярной биологии, биоорганической химии и биотехнологии обеспечивает нашей стране лидирующие позиции в мировой науке ⁴³.

Вместе с тем он указывает на «ряд обстоятельств, существенно тормозящих развитие работ и часто ставящих под угрозу выполнение важнейших заданий». Среди них назывался систематический срыв «планов строительства и ввода в строй предусмотренных постановлением важнейших объектов». Кроме того, в документе сообщалось:

Не принято должных мер для выполнения намеченных постановлением заданий по выводу отечественного биологического оборудования и биохимических препаратов, что ставит нашу страну в прямую зависимость от поставок западных фирм в этой стратегически важной области научно-технического прогресса. Особенно тревожно обстоит дело с промышленным выпуском биохимических препаратов и реактивов ⁴⁴.

⁴² См. об этом подробнее: *Кнорре Д. Г.* Перекрестки моей жизни: воспоминания о прожитых годах. 2-е изд. Новосибирск: НГУ, 2011.

⁴³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 88. Д. 166. Л. 21.

⁴⁴ Там же. Л. 23–24.

Необходимо также отметить социально-бытовые трудности, стоявшие перед учеными-генетиками. В частности, об этом красноречиво свидетельствует целый ряд документов за 1988 г. Например, в решении партийного собрания от 5 октября говорится:

Институт цитологии и генетики СО АН СССР является одной из крупнейших научно-исследовательских организаций генетического профиля в стране. По многим направлениям, которые развиваются в ИЦИГ СО АН СССР, имеются существенные достижения, демонстрирующие высокий методический уровень исследований и высокий научный потенциал сотрудников.

Вместе с тем дальнейшее развитие института и достижение мирового уровня исследований тормозится множеством нерешенных проблем научно-организационного, экономического и социально-бытового характера, которые особенно остро проявляются в условиях перестройки.

Эти проблемы включают несовершенство принципов планирования научных исследований, слабость материальной базы института, несоответствие форм деятельности ученого совета новым условиям, катастрофическое отставание социально-бытовой сферы (в первую очередь – нерешенность жилищной проблемы) ⁴⁵.

В свою очередь, протокол партийного собрания от 10 ноября содержит выступление Н. А. Колчанова, ныне академика, директора института, а в те годы – секретаря партбюро. В своей речи он сказал:

Особенно остро стоит проблема жилья. В институте имеется очередь на жилье порядка 200 человек, которая при существующих темпах продвижения вряд ли удовлетворит всех желающих даже к 2000 году ⁴⁶.

В этой связи нам представляется уместным привести для сравнения материалы заседания одного из партсобраний осени 1959 г. На рассматриваемом собрании секретарь партбюро Р. И. Салганик, отмечая, что институт работает в сложном положении из-за скученности в лабораториях, указал и на тяжелые жилищные условия у ряда научных работников. По его словам из-за жилищных проблем у части сотрудников появились «панические настроения», вследствие чего некоторые собираются покинуть институт ⁴⁷. Тем самым в 1980-е гг., также как и в период становления института в конце 1950-х гг., не потерял своей актуальности «жилищный вопрос».

Не исключено, что обозначенные трудности в какой-то степени были обусловлены положением СО АН, которое, как уже отмечалось, постепенно теряло свои позиции. В нашем распоряжении имеется стенограмма заседания Объединенного ученого совета по биологическим наукам Сибирского отделения АН СССР от 20 февраля 1984 г., на котором Беляев попросил «охарактеризовать уровень приборного и другого инструментального обеспечения

⁴⁵ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 757. Л. 71–72.

⁴⁶ Там же. Л. 99.

⁴⁷ Шалимов. «Спасение и возрождение»... С. 130.

сибирской биологии» по сравнению с Москвой. В ответ ученый секретарь совета М. В. Высоцкий сказал:

Если сравнивать с Москвой, то мы обеспечены чрезвычайно плохо. Если говорить об оборудовании, то прежде всего плохи дела с аналитическим оборудованием, в частности, трудно с этим в Институте цитологии и генетики. Плохо с оптикой. Очень плохо с изотопами и реактивами, особенно с импортными ⁴⁸.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода прослеживается явная недостаточность материально-технического обеспечения генетических исследований. Пример Института цитологии и генетики СО АН ярко иллюстрирует, что даже один из главных генетических центров СССР не обладал в полной мере необходимыми реактивами и оборудованием. Кроме того, ученые-генетики сталкивались с серьезными социально-бытовыми проблемами. Безусловно, указанные негативные тенденции были вызваны как общей политической и экономической ситуацией в стране, так и состоянием Новосибирского научного центра, который со второй половины 1960-х гг. испытывал острый и все нарастающий кризис социально-бытовой инфраструктуры.

Советская идеология и генетика

Анализируя политико-идеологический контекст генетических исследований в 1970-е – первой половине 1980-х гг., необходимо подчеркнуть некоторые позитивные изменения в сравнении с предшествующей эпохой лысенковщины (1948–1964). После отставки Н. С. Хрущева (1964) политика в отношении науки о наследственности стала более приемлемой, и генетика получила определенную поддержку государственной власти. Благодаря этому во второй половине 1960-х гг. происходят улучшения в подготовке кадров, отмечаются усиление международных связей, значительное расширение возможностей для публикации научных исследований и обмена опытом между учеными-генетиками, а также успехи в области популяризации науки о наследственности.

Думается, рассматриваемые положительные изменения во многом были связаны с некоторым осознанием правящими кругами очевидных проблем, желанием сделать советскую науку конкурентоспособной на международном уровне. В то же время не следует преувеличивать значение названных позитивных факторов. Перестройка биологии после смещения Хрущева проходила в сложных условиях, что отмечается рядом известных исследователей истории советской генетики ⁴⁹.

Кроме внутринаучных факторов осложняющее значение имели определенные социально-политические императивы, из которых особую роль играли

⁴⁸ НАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111. Л. 25.

⁴⁹ Александров В. Я. Трудные годы советской биологии: записки современника. СПб.: Наука, 1992. С. 221–222; Медведев Ж. А. Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, 1993. С. 334–335.

два. Первый состоял в продолжающемся латентном сопротивлении лысенковцев. Многие сторонники «народного академика» сохранили свои должности как в партийно-государственных структурах, так и в научно-образовательной сфере. Второй отрицательный фактор определялся негативными изменениями в политико-идеологической атмосфере, нарастанием консервативно-охранительных, неосталинистских тенденций в политике правящих кругов.

Таким образом, развитие генетики в Советском Союзе во второй половине 1960-х гг. характеризовалось двумя разнонаправленными векторами. С одной стороны, произошли некоторые положительные изменения, вызванные «легализацией» науки о наследственности, а с другой стороны, незаконченная и во многом формальная ликвидация лысенковщины и резкое усиление политико-идеологического диктата⁵⁰.

Данная ситуация сохранялась и в последующий период 1970-х – 1980-х гг. При этом если говорить о политико-идеологическом контексте развития науки о наследственности в рассматриваемые годы, то здесь на первое место вышла дискуссия «природа – воспитание», касающаяся генетики человека. Как известно, обозначенная проблема стала яблоком раздора для двух крупнейших советских генетиков – Д. К. Беляева и Н. П. Дубинина⁵¹. Видимо, здесь имело место сложное сочетание борьбы за лидерство и идеологических моментов. По этому поводу в воспоминаниях жены Беляева С. В. Аргутинской говорится:

Дубинин считал, что духовное содержание человека относится к его надбиологической сфере, которая не записана в генах. Отвечая Н. П. Дубинину, ДК (Беляев. – С. Ш.) отмечал, что человек не исключен из сферы генетической детерминации, люди неодинаковы в потенциальных возможностях психики и интеллекта. Они различны уже при рождении, поскольку фундаментальные законы наследственности едины для всего живого, включая и человека⁵².

Наиболее целостное концептуальное изложение противостояния Дубинина и Беляева получило в фундаментальном труде Л. Грэхэма⁵³. В частности, он описывает отношение политико-идеологических структур к данной проблеме. Например, одним из наиболее симптоматичных проявлений вмешательства высшего партийно-государственного начальства в споры ученых явилась речь министра просвещения СССР М. А. Прокофьева на XXV съезде КПСС (1976), содержащая критику в адрес генетиков. В частности, он сказал:

⁵⁰ Шалимов С. В. Развитие генетики в Новосибирском научном центре во второй половине 1960-х гг.: социально-исторический аспект // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 1. С. 26, 30–31.

⁵¹ Николай Петрович Дубинин (1907–1998) – советский генетик, академик АН СССР. Организатор и первый директор Института цитологии и генетики СО АН СССР (1957–1959). Директор Института общей генетики АН СССР (1966–1981). Герой Социалистического Труда (1990).

⁵² Аргутинская С. В. Дима // Дмитрий Константинович Беляев: книга воспоминаний / Ред. В. К. Шумный. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. С. 63.

⁵³ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991.

Осуществление всеобщего среднего образования подрастающих поколений на практике доказало антинаучность представлений о наличии якобы наследственных ограничений в развитии интеллекта человека – представлений, взятых на вооружение буржуазным обществом в обоснование классовой образовательной политики в угоду правящей элите. Советская наука противопоставила этому лженаучному утверждению единственно верное материалистическое положение о безграничной возможности развития человека в благоприятных социальных условиях.

Позднее, в июне 1983 г., состоялось выступление секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко на пленуме ЦК, в котором он поставил под сомнение генетические факторы в формировании личности, указав на приоритетную роль социальной среды. Приведем фрагмент его речи:

Вряд ли можно признать научными концепции, которые объясняют такие, например, качества человека, как честность, смелость, порядочность, наличием «положительных» генов и фактически отрицают, что эти качества формируются социальной средой⁵⁴.

При этом Грэхэм, анализируя политико-идеологический контекст, приходит к выводу, что позиция Беляева в 1980-е гг. становилась все более приемлемой для властей. Например, Дубинин объяснял причины широкого распространения преступности в СССР тем, что в стране еще не построено коммунистическое общество. Тем самым, анализируя причины преступности, ему ничего не оставалось делать, кроме как указывать на недостатки советского общества. В свою очередь, попытки генетической интерпретации преступности обладали известной привлекательностью в глазах советских властей, так как такого рода интерпретации позволяли избегать необходимости критического осмысления состояния советского общества⁵⁵.

Несмотря на то что рассматриваемая ситуация получила определенное отражение в литературе, необходимо взглянуть на нее глазами высших партийно-идеологических инстанций. В связи с этим сошлемся на обнаруженные нами документы ЦК КПСС, которые позволяют увидеть, какое важное политико-идеологическое значение придавалось этому вопросу центральным партийным руководством.

Так, нами было выявлено дело с грифом «секретно», в котором находятся письма Дубинина и его соратника профессора А. П. Пехова в ЦК КПСС. Документы датируются ноябрем 1977 г. Рассматриваемый текст начинается с поручения секретаря ЦК КПСС М. В. Зимянина⁵⁶ заведующему отделом науки и учебных заведений С. П. Трапезникову:

Прошу дать поручение компетентным товарищам срочно разобраться в поставленном т. Дубининым вопросе, после чего мы с Вами его обсудим. По-видимому, потребуется доложить о нем в ЦК.

⁵⁴ Там же. С. 225, 241.

⁵⁵ Там же. С. 248–249.

⁵⁶ Михаил Васильевич Зимянин (1914–1995) – советский партийный деятель, секретарь ЦК КПСС. Курировал идеологические вопросы.

В своем письме Зимянину Дубинин утверждал:

В нашей печати некоторые авторы выступают по проблеме человека с ошибочных позиций, чреватых серьезными отрицательными мировоззренческими и практическими последствиями⁵⁷.

Далее он излагает свой взгляд на генетику человека, суть которого состоит в том, что

в каждом поколении сознание формируется социальной программой, представляющей собой итог истории. В социальном наследовании мы имеем дело с надбиологической категорией, передающей по поколениям опыт духовной и материальной культуры⁵⁸.

В письме подвергались критике Д. К. Беляев, В. П. Эфроимсон⁵⁹ и Б. Л. Астауров⁶⁰. В частности, Дубинин писал:

Д. К. Беляев уверяет читателей, что различие в генах «даже при сходных условиях воспитания создает разнообразие людей по всем проявлениям их духовной деятельности». В. П. Эфроимсон заявил, что этика обусловлена биологически (журнал «Новый мир», № 10, 1971). Б. Л. Астауров (там же), соглашаясь с В. П. Эфроимсоном, писал, что «душевные, подчас чисто человеческие свойства» в отношении влияния на них наследственности «не могут оказаться каким-то исключением и быть противопоставлены “телесным” признакам»⁶¹.

По мнению Дубинина,

подобные взгляды, лишённые какой-либо научной основы, развиваются в нашей печати, пренебрегая тем, что социализм уже привел к созданию гуманного советского человека, деятельность которого несет мир всему человечеству⁶².

В итоге «создается впечатление, что концепция Беляева – Астаурова – Эфроимсона в проблеме человека есть общепризнанная позиция нашей науки». В этой связи Дубинин в завершении своего письма просит оказать ему содействие в опубликовании статьи по истории генетики⁶³.

Также представляет интерес письмо соратника Дубинина – заведующего кафедрой биологии и общей генетики Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы Пехова. Автор выступает в защиту Дубинина прежде всего от зарубежной прессы, высоко оценивает его книгу «Вечное движение», а

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 342. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 3.

⁵⁹ Владимир Павлович Эфроимсон (1908–1989) – советский генетик. Участник борьбы с лысенковщиной. Занимался проблемами генетики человека.

⁶⁰ Борис Львович Астауров (1904–1974) – академик АН СССР. Президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н. И. Вавилова в 1966–1972 гг.

⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 342. Л. 3.

⁶² Там же. Л. 4.

⁶³ Там же. Л. 7–8.

также приводит ряд статей опубликованных в журналах *Nature*, *The Journal of Heredity*, в которых Дубинина подвергли критике. Данные публикации за авторством Ж. А. Медведева⁶⁴, а также Барри Менделя Коэна и И. Л. Козина весьма критично оценивали не только Дубинина, но и состояние генетики в СССР. Например, Медведев утверждал, что в Советском Союзе нет полноценной генетики человека из-за противодействия Дубинина:

Используя свое положение директора главного Института общей генетики, свое влияние консультанта по биологии ЦК КПСС и свое членство во многих различных комиссиях и группах, Н. П. Дубинин предпринимает все усилия, чтобы подавить любые возможные способы проведения истинных исследований в области генетики человека в СССР. Даже теперь в СССР не проводятся исследования во многих важных областях генетики человека⁶⁵.

В свою очередь, Барри Коэн писал:

Лысенко оставил горькую память о грубом вторжении политики в науку. Но часть его наследства оказалась неожиданно связанной с движением советских диссидентов. Подобно тому как все туже скручиваемая пружина оказывает все более сильное сопротивление, так происходит и с усилиями Советов навязать идеологию науке. И самым абсурдным моментом в нападках на генетику явилось то, что растущее сопротивление Сталину вскоре превратилось в важную национальную силу, возможно, ту силу, что однажды принесет реальную свободу Советскому Союзу⁶⁶.

Автор письма Пехов, комментируя данные публикации, отмечал:

...нельзя пройти мимо признаний со стороны Барри Менделя Коэна и Ж. А. Медведева, согласно которым разногласия в советской генетике – это борьба диссидентов с учеными, стоящими на позициях марксизма-ленинизма. Для успеха этих диссидентов, как полагают критики Н. П. Дубинина, нужно укоренение в СССР буржуазной трактовки проблемы генетики человека. В этом случае, как полагают они, появится катализатор, который активирует диссидентское движение в целом, в его борьбе против советской политической системы⁶⁷.

Послание соратника Дубинина не прошло незамеченным. Текст письма изобилует подчеркиваниями, галочками и прочими знаками, по всей видимости, сделанными секретарем ЦК КПСС М. В. Зимяниным и свидетельствующими о важности этой информации.

Весьма характерна справка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, касающаяся рассматриваемых писем. В документе, подписанном С. П. Трапезниковым, сообщалось:

⁶⁴ Жорес Иванович Медведев (р. 1925) – советский биолог и диссидент. Автор работ по истории биологии в СССР.

⁶⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 342. Л. 60.

⁶⁶ Там же. Л. 62.

⁶⁷ Там же. Л. 48.

Академик Дубинин Н. П. и профессор Пехов А. П. просят опубликовать статью академика Дубинина Н. П. «Проблемы истории генетики в СССР» в журнале «Генетика».

В Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с предстоящим в августе 1978 года проведением в Москве XIV Международного генетического конгресса состоялось совещание с участием президента АН СССР Александрова А. П., вице-президента АН СССР Овчинникова Ю. А., президента АМН СССР Блохина Н. Н., руководителей биологических отделений АН СССР, крупных ученых-генетиков, в том числе академиков Дубинина Н. П. и Беляева Д. К. На совещании были рассмотрены вопросы подготовки к генетическому конгрессу, включая поставленные в указанных письмах, и состояние научных исследований в этой области. Участники совещания высказались о целесообразности выступлений ведущих ученых-генетиков со статьями в печати о достижениях советской генетики и перспективах ее развития, но воздерживаться от публикаций дискуссионных материалов⁶⁸.

Судя по вышеприведенной резолюции, Дубинин стал терять поддержку «верхов». Как отметил в своем послании Пехов, «неверный оборот принимает развитие событий, связанных с некоторыми проблемами генетики и философии в нашей стране»⁶⁹. Не исключено, что представления Дубинина о том, что «коммунизм представляет собой только первую фазу коммунистической общественно-экономической формации», а потому преступность – это «остаток прошлого, который постепенно и вместе с тем последовательно преодолевается в ходе социалистического и коммунистического строительства»⁷⁰, уже не соответствовали представлениям партийно-государственного руководства.

Приведенная цитата взята из книги «Генетика, поведение, ответственность», опубликованной Дубининым в 1982 г. в соавторстве с известными учеными-юристами В. Н. Кудрявцевым⁷¹ и И. И. Карпецом⁷². Следует подчеркнуть, что названный труд являлся наиболее концентрированным выражением концепции Дубинина.

О том, что позиция Беляева по проблемам генетики человека приобрела поддержку правящих кругов, свидетельствуют некоторые документы. Например, 7 июня 1977 г. Беляев, выступая на заседании Президиума Сибирского отделения Академии наук, сказал:

Два месяца назад я был приглашен министром внутренних дел т. Щелковым в Москву для того, чтобы участвовать в специальном совещании, которое проводилось в Академии МВД по вопросам борьбы с антисоциальным поведением.

⁶⁸ Там же. Л. 68.

⁶⁹ Там же. Л. 48.

⁷⁰ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М.: Политиздат, 1982. С. 57.

⁷¹ Владимир Николаевич Кудрявцев (1923–2007) – ученый-юрист, доктор юридических наук, профессор. Академик РАН. Вице-президент АН СССР / РАН (1988–2001). Директор Института государства и права АН СССР (1973–1989). Лауреат Государственной премии СССР (1984).

⁷² Игорь Иванович Карпец (1921–1993) – ученый-юрист и криминолог, доктор юридических наук, профессор. В 1969–1979 гг. – начальник Главного управления Уголовного розыска Министерства внутренних дел СССР. В 1979–1984 гг. – возглавлял Всесоюзный научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел.

Далее он подробно изложил свои взгляды, оглашенные на совещании: тяжёлые преступления (убийства) явно имеют генетическую обусловленность – необходимо соответствующее изучение⁷³.

Вместе с тем существует и противоположная точка зрения, согласно которой Дубинин сохранил существенное влияние. Так, доктор биологических наук В. Сапунов утверждает:

Благодаря активности Дубинина специалисты, работавшие в области социобиологии и генетики поведения, оказались лишёнными возможности плодотворно трудиться⁷⁴.

При этом следует иметь в виду, что в рассматриваемые годы Дубинин неоднократно обращался с посланиями в высшие партийно-государственные инстанции. Например, в 1981 г. он написал письмо члену Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслову с просьбой принять его и обсудить возможность организации Института проблем человека. В своем послании от 22 июля 1981 г. он писал:

Положение, сложившееся в нашей стране при обсуждении проблемы человека, требует серьезного внимания. Несмотря на псевдонаучность и идеологическую несовместимость с нашим общественным строем, взгляды буржуазных теоретиков проникают к нам и находят поддержку у некоторых советских ученых и философов. Под этим влиянием вместо марксистского тезиса о социальной сущности человека вводится понятие о биосоциальной сущности и, исходя из него, формируются идеи внедрения в практику методов социальной сегрегации на основе якобы существующей биологической разобщенности людей по их душевным и интеллектуальным свойствам⁷⁵.

В этой связи Дубинин отмечает, что

значимость и объем задач по проблемам человека таковы, что их решение может быть обеспечено только специальным межведомственным учреждением – Институтом проблем человека...

Также он подчеркивает, что

организация и деятельность Института проблем человека имели бы мировой резонанс, еще раз показали бы, что в СССР главное – это человек и его личность⁷⁶.

В данном контексте представляет интерес комментарий к письму, сделанный вице-президентом АН СССР П. Н. Федосеевым по поручению ЦК КПСС. Показательно, что он фактически поддерживает позицию Дубинина в дискуссии «природа – воспитание»:

⁷³ НАСО. Ф. 10. Оп. 11. Д. 158. Л. 216–220.

⁷⁴ Сапунов В. Генетические основы преступности с точки зрения Ч. Ломброзо и Л. Берии // Чудеса и приключения. 2004. № 8. С. 39.

⁷⁵ Кривоносов Ю. И. Неудавшийся проект // Человек. 1993. № 4. С. 42.

⁷⁶ Там же. С. 43.

Недостаточно высок научный и методологический уровень ряда публикаций по проблемам человека, в некоторых из них встречаются и неприемлемые с позиций марксистско-ленинского мировоззрения точки зрения, против некоторых необходимо вести решительную и бескомпромиссную борьбу. Во многом справедливо и высказанные в письме академика Н. П. Дубинина критические суждения относительно недостатков в организации и координации ведущих в стране исследований проблем человека ⁷⁷.

Тем не менее предложение создать специальный Институт проблем человека Федосеев считал «недостаточно обоснованным». По его мнению, нельзя было объединить результаты всех исследований по проблемам человека в одну самостоятельную науку, а отдельному институту взять на себя задачу, которая под силу только всей системе научного знания. В качестве аргументации Федосеев также приводил следующий довод:

Подлинная наука о реальном человеке только одна – это марксизм-ленинизм. В нем нет ни одной из проблем, которая не раскрывалась в конечном счете как человеческая проблема ⁷⁸.

Соответственно в справке Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС о послании Дубинина сообщалось:

Академия наук СССР рассмотрела письма т. Дубинина Н. П. и сообщает (т. Федосеев П. Н.) о нецелесообразности создания института, занимающегося социолого-биологическими проблемами человека ⁷⁹.

Не исключено, что упомянутая инициатива была вызвана стремлением Дубинина подготовить для себя своего рода «запасной аэродром», так как в том же 1981 г. он лишился кресла директора Института общей генетики АН СССР. Между тем об актуальности обозначенной проблемы и о том, прав ли был Ж. А. Медведев, утверждавший, что в СССР отсутствует полноценная генетика человека, можно судить по приведенному ниже документу. Дело в том, что 13–14 мая 1986 г. состоялось заседание Объединенного научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР и Научного совета по медицинской генетике АМН СССР. В решении данного собрания отмечалось: По общему объему исследовательской работы в области генетики человека и медицинской генетики СССР значительно уступает США ⁸⁰. При этом в документе подчеркивалось, что проводимые исследования характеризуются актуальной тематикой и охватывают ведущие фундаментальные и прикладные разделы медицинской генетики и генетики человека. Вместе с тем сообщалось:

...имеется существенное отставание от развитых капиталистических стран в изучении молекулярной и пространственной организации и механизмов функционирования генетического материала человека, молекулярного

⁷⁷ Там же. С. 44.

⁷⁸ Там же. С. 44–45.

⁷⁹ Там же. С. 40.

⁸⁰ АРАН. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

картирования хромосом, генетики карценогенеза, особенно в исследованиях, требующих применения современной точной лабораторной автоматизированной техники, особо чистых органических реактивов и др.⁸¹

Характерно, что среди наиболее приоритетных фундаментальных проблем назывались «социальные вопросы генетики человека». В свою очередь, для реализации научных задач в решении говорилось о необходимости существенно улучшить оснащение научных учреждений современной аппаратурой и реактивами, увеличить штаты существующих лабораторий и создать новые, оснастить научные учреждения современными вычислительными системами, организовать подготовку специалистов по генетике человека и медицинской генетике, начать издание профильных журналов, создать Институт врожденной патологии в Минске и Институт медицинской генетики в Томске. В заключение документа объединенное заседание обращалось в Президиум АН с просьбой о расширении в академии исследований по генетике человека, об их штатном и материально-техническом укреплении. Также предлагалось создать комплексный совет по генетике человека и медицинской генетике, а также обратиться в Министерство здравоохранения по вопросу кадрового и материально-технического укрепления медико-генетической помощи населению⁸².

Возможно, предложения Дубинина, озвученные в его посланиях, не находили поддержки в высших инстанциях по самым прозаическим причинам. Учитывая реалии времени – деградацию бюрократии, нарастание всеобщего безразличия – напрашивается вывод, что рассматриваемые проблемы вызывали у партийно-государственной машины все более равнодушное отношение. Видимо, главным стремлением партийных чиновников было не поднимать шум и «спускать на тормозах» подобные вопросы.

Вместе с тем и на данном этапе вмешательство партийных органов в дела науки порой оказывало крайне негативное воздействие на развитие генетики. Как уже отмечалось, сторонники Т. Д. Лысенко сохранили свои должности в партийно-государственных структурах. Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС не был исключением, ведь в нем и при Брежневле продолжали работать люди, назначенные Хрущевым, который, разумеется, продвигал только сторонников Лысенко. Симптоматично, что в 1972 г. президентом Всесоюзного общества генетиков и селекционеров стал бывший лысенковец Н. В. Турбин. Как вспоминал Драгавцев, изначально Турбин не был в списке кандидатов на этот пост. Однако Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС порекомендовал именно его. В результате после того как Турбин занял пост президента ВОГиС, работа этого общества практически полностью развалилась⁸³.

Лысенковцы по-прежнему занимали важные позиции в научно-образовательной сфере, ярким примером чего являлся Томский государственный университет. В период расцвета лысенковщины некоторые сотрудники названного учебного заведения принимали активное участие в травле вейсманистов-мор-

⁸¹ Там же. Л. 1–2.

⁸² Там же. Л. 2–4.

⁸³ Личный архив автора. Интервью с доктором биологических наук, академиком РАСХН В. А. Драгавцевым от 26 февраля 2013 г.

ганистов⁸⁴. После низвержения Лысенко один из профессоров университета – Б. Г. Иоганзен⁸⁵, известный специалист по ихтиологии и гидробиологии, автор первого в СССР учебного пособия по экологии, – в течение нескольких десятилетий оставался приверженцем идей Лысенко. Например, уже в 1980-е гг. он был одним из авторов обвинительных писем против Н. В. Тимофеева-Ресовского⁸⁶.

Наглядной иллюстрацией была ситуация в Горьковском государственном университете, где до 1948 г. преподавал С. С. Четвериков. В частности, 24 марта 1983 г. состоялось совместное заседание бюро Научного совета АН СССР по проблемам генетики и селекции и Президиума ЦС ВОГиС. На рассматриваемом заседании обсуждалось преподавание генетики в этом университете. В центре внимания оказался заведующий кафедрой дарвинизма и экологии, член-корреспондент ВАСХНИЛ, профессор А. Н. Мельниченко. Вот что говорилось о его деятельности и об уровне преподавания биологических дисциплин в университете:

...преподавание современной биологии [...] на кафедре дарвинизма и экологии не соответствует современному уровню, продолжается проповедование учения Лысенко. В частности, на открытой лекции А. Н. Мельниченко [...] критиковались законы Менделя [...] А. Н. Мельниченко не признает основных положений современной генетики – функции генов, передачу генетической информации, значение спонтанного и индивидуального мутагенеза, законов популяционной генетики и т. д.⁸⁷

О ситуации с генетическими кадрами и о засилье лысенковцев красноречиво свидетельствует выступление члена-корреспондента Д. Г. Кнорре на годовом общем собрании Сибирского отделения АН СССР 26 февраля 1980 г.:

Биологическое образование в 1948–1964 гг. понесло огромный ущерб [...] сегодня занимаются кафедры [...] но ряд из них (преподавателей. – С. Ш.) необратимо были искалечены⁸⁸.

Другой отрицательный фактор, влиявший на науку о наследственности, определялся нарастанием консервативно-охранительных и неосталинистских

⁸⁴ Шалимов. «Спасение и возрождение»... С. 111.

⁸⁵ Бодо Германович Иоганзен (1911–1996) – доктор биологических наук, профессор на кафедре ихтиологии и гидробиологии Томского государственного университета. Занимал должности заведующего кафедрой, декана биологического / биолого-почвенного факультета ТГУ, а также ректора Томского государственного педагогического института.

⁸⁶ Саканян Е. С. Любовь и защита // Тимофеев-Ресовский Н. В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами / Сост. и ред. Н. Дубровина. М.: Согласие, 2000. С. 724. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981) – генетик, специалист в области популяционной и радиационной генетики. В 1925–1945 гг. работал в Германии. В 1946 г. был осужден «за измену Родине» (реабилитирован в 1992 г.). Его биография легла в основу документального романа известного писателя Д. А. Гранина «Зубр».

⁸⁷ АРАН. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 14. Л. 65.

⁸⁸ НАСО. Ф. 10. Оп. 11. Д. 407. Л. 60. Подробнее о том, что происходило в высшей школе в эпоху лысенковщины см., например: Барабанищikov Б. И., Ермолаев А. И. Казанский университет в период лысенковщины // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 2. С. 54–65.

тенденций в официальной политике. Одним из его проявлений явилось сужение возможностей для критики Лысенко, для объективного изложения истории генетики. Данная проблема затрагивается рядом авторов. В частности, по мнению А. П. Акифьева, настоящая свобода для генетиков после снятия Хрущева не наступила, так как при Брежневле начался возврат к сталинизму и критика Лысенко была сведена на нет⁸⁹. Близкая точка зрения прослеживается в статье Э. И. Колчинского и М. Б. Конашева:

Считается, что период новых «заморозков» для генетиков был относительно непродолжительным. После октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., сместившего Н. С. Хрущева, генетика в нашей стране как будто вновь получила права гражданства. Но в полный голос о ее судьбе, о «лысенковщине» ученые и писатели смогли заговорить лишь в 1987 г.⁹⁰

Говоря об истории генетики, нельзя обойти мемуары Дубинина «Вечное движение». Названная работа впервые была издана в 1973 г. и впоследствии переиздавалась еще два раза. В воспоминаниях Дубинина была сформулирована угодная властям концепция истории советской генетики. Данная книга получила крайне неоднозначную оценку в литературе. Одним из примеров негативного отношения является работа В. В. Бабкова:

Н. П. Дубинин в жажде власти пошел на союз с зубрами сталинской идеологии, а патрон «лысенковцев» М. Б. Митин увидел встречную выгоду в поддержке Дубинина. Осенью 1973 г., после августовской хвалебной рецензии в «Правде», «Политиздат» выпустил сотысячным тиражом его мемуары «Вечное движение». В борьбе за монополию Дубинин платил за поддержку ЦК запрошенную цену: он в мемуарах снимал с партии, правительства и карательных органов ответственность за трагедию генетики и перекладывал ее на крупнейших русских генетиков старшего поколения⁹¹.

Симптоматично, что книга Дубинина подвергалась резкой критике уже в момент ее первого издания. По воспоминаниям Драгавцева, сразу после выхода «Вечного движения» состоялся пленум Научного совета по генетике и Всесоюзного общества генетиков и селекционеров, осудивший труд Дубинина⁹².

В целом же важно подчеркнуть: фальсификация истории генетики – самое яркое проявление официальной неосталинистской фальсификации российской истории XX в., поскольку на все остальные сегменты истории (тема репрессий, поражений в войне и т. д.) вообще было наложено табу.

Таким образом, анализируя политико-идеологический контекст развития генетики в 1970-е – первой половине 1980-х гг., нельзя не отметить позитив-

⁸⁹ Акифьев А. П. Генетика и судьбы. М.: Центрполиграф, 2001. С. 29.

⁹⁰ Колчинский Э. И., Конашев М. Б. Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал» // ВИЕТ. 2003. № 4. С. 54.

⁹¹ Бабков В. В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 716.

⁹² Драгавцев В. А. Новосибирские генетики и история генетики: размышления над книгой С. В. Шалимова ««Спасение и возрождение»: Исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели»» // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 4. С. 137.

ных изменений, выразившихся в официальном признании генетики и определенной поддержке государственной власти. Однако деструктивное влияние оказывал целый ряд политико-идеологических факторов. В частности, дискуссия «природа – воспитание», во многом искусственно «раздувавшаяся» с привлечением партийно-государственной машины, не могла способствовать плодотворной работе в этой области науки. Кроме того, лысенковщина не утратила своего влияния и продолжала тормозящее воздействие на отечественную науку, чему способствовал негласный запрет на критику Лысенко и отсутствие возможности для объективного изложения истории советской генетики.

XIV Международный генетический конгресс и международные связи советских генетиков

Касаясь развития международных контактов советских генетиков, важно выделить одно из наиболее значимых событий в отечественной биологии тех лет – Международный генетический конгресс 1978 г. в Москве, который воспринимался как яркий симптом возрождения в СССР «опальной» науки. Показательно, что в организации и проведении конгресса ключевую роль сыграли новосибирские генетики под руководством Беляева.

Так, научный еженедельник СО АН «За науку в Сибири», освещая работу конгресса, писал, что признание новосибирской школы генетиков было очевидным: Беляев был руководителем всей советской делегации, Институт цитологии и генетики СО АН представляли 120 человек, с докладами выступили 80 ученых института, половина из которых были организаторами симпозиумов и секций, являлись председателями и сопредседателями заседаний⁹³. Всего же в рамках данного форума работали 25 симпозиумов и 32 секции, а на 216 заседаниях выступили 1800 докладчиков⁹⁴.

Как вспоминал ветеран института С. И. Малецкий, это было гигантское и историческое событие, в центре которого стоял Институт цитологии и генетики СО АН. По его словам, на конгрессе прозвучали великолепные отечественные доклады, что демонстрировало процесс восстановления генетики⁹⁵. В то же время обстановка была непростой. Так, согласно свидетельству другого участника – И. А. Захарова-Гезехуса⁹⁶, многие зарубежные ученые бойкотировали конгресс по политическим мотивам. В основном это были американские генетики. Тем не менее на конгрессе было достаточно много иностранных участников⁹⁷. В свою очередь, супруга Беляева С. В. Аргутинская свидетельствовала,

⁹³ Алябьева И. На пути к управлению жизнью // За науку в Сибири. 28 сентября 1978. № 39. С. 5.

⁹⁴ Международный генетический конгресс // За науку в Сибири. 14 сентября 1978. № 37. С. 1.

⁹⁵ Личный архив автора. Интервью с доктором биологических наук, профессором С. И. Малецким от 16 февраля 2012 г.

⁹⁶ Илья Артемьевич Захаров-Гезехус (р. 1934) – член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Советник РАН в Институте общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН.

⁹⁷ Личный архив автора. Интервью с членом-корреспондентом РАН, доктором биологических наук, профессором И. А. Захаровым-Гезехусом от 8 ноября 2012 г.

что, несмотря на бойкот, объявленный частью американского генетического сообщества, на конгресс приехало много выдающихся ученых из Великобритании, Франции, Швеции, Японии и других стран. В том числе присутствовали генетики из США: отдельные ученые и представители Американской генетической ассоциации. Всего в работе конгресса принимали участие 3500 делегатов из 60 стран. По воспоминаниям Аргутинской, в сложной обстановке Беляев проводил дружеские беседы с приехавшими учеными, стараясь создать обстановку доверия и доброжелательности⁹⁸. Более того, сразу же после конгресса 50 зарубежных ученых приехали в Новосибирск, чтобы ближе познакомиться с научными работами ИЦиГ СО АН. Среди них были всемирно известные исследователи: О. Густафссон (Швеция), К. Маркерт и Дж. Скандалио (США), Л. Мунк (Дания), Я. Тадзима (Япония), Х. Беме (ГДР), А. Эслоу (Франция) и др.⁹⁹

В этой связи представляет интерес свидетельство Беляева об этом событии, сделанное им на отчетно-выборном партийном собрании Института цитологии и генетики СО АН 1 ноября 1978 г. Повествуя об условиях работы XIV Международного генетического конгресса, он сказал:

Своими глазами видел, как вели себя различные группы иностранных ученых по мановению волшебной палочки дирижера из Госдепартамента. Своими ушами слышал «Голос Америки» об извращении фактов проведения международного конгресса¹⁰⁰.

Интересные нюансы этой ситуации излагает в своих воспоминаниях Драгавцев. Как он пишет:

Политическая ситуация в то время была очень напряженной: президент Национальной академии наук США выразил протест по поводу нарушения прав человека в нашей стране (осуждение правозащитников С. А. Ковалева и Ю. Ф. Орлова), и была вынесена резолюция о бойкоте конгресса.

Названный автор отмечает, что американские генетики подали 120 заявок на участия в конгрессе, и если бы делегация США не приехала, то это бы сильно подорвало репутацию конгресса. В этой связи было принято оригинальное решение. Драгавцев написал письмо президенту США Джими Картеру с предложением выступить на конгрессе с научным докладом. Дело в том, что Картер имел арахисовую ферму и в свободное время занимался селекцией арахиса и даже опубликовал несколько статей по генетике этой культуры. Мемуарист свидетельствует: «Мы не получили никакого ответа от президента США. Однако многие крупные американские ученые приехали на конгресс»¹⁰¹.

⁹⁸ Аргутинская С. В. Дмитрий Константинович Беляев (биографический очерк) // Проблемы генетики и теории эволюции / Ред. В. К. Шумный, А. О. Рувинский. Новосибирск: Наука, 1991. С. 36.

⁹⁹ Алябьева. На пути к управлению жизнью...

¹⁰⁰ ГАНО. Ф.П-269. Оп. 6. Д. 747. Л. 48.

¹⁰¹ Драгавцев В. А. Забота о человечестве // Дмитрий Константинович Беляев: книга воспоминаний... С. 140.

В связи с этим необходимо понять, что происходило «за кулисами». Обнаруженные нами новые архивные документы из фонда ЦК КПСС в какой-то мере проливают свет на рассматриваемую ситуацию. В частности, одним из таких документов с грифом «секретно» является письмо генерального секретаря XIV Международного генетического конгресса Беляева, направленное президенту Академии наук СССР А. П. Александрову, вице-президенту АН Ю. А. Овчинникову и главному ученому секретарю Президиума АН Г. К. Скрябину. Письмо датируется ноябрем 1977 г., а его копия была также отправлена в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС.

В письме говорилось:

Я вынужден обратиться к Вам в связи письмами, полученными мною от президента Американского генетического общества профессора Д. Перкинса (Стенфорд, США), и секретаря Международной генетической федерации профессора Р. Райли (Кембридж, Великобритания) [...] Хотя мне трудно с определенностью сказать сколь основательны соображения, высказываемые проф. Д. Перкинсом, о реакции американских генетиков в случае отрицательного решения вопроса о визах лицам, легально эмигрировавшим из Советского Союза, однако я допускаю обоснованность его опасений. Оценивая информацию профессоров Перкинса и Райли, нужно иметь в виду, что число докладов американских генетиков составляет около 30 % всех докладов, так что если бы в реальности возникла та ситуация, о возможности которой пишет проф. Перкинс, то это создало бы большие трудности для организации конгресса и для советских генетиков вообще¹⁰².

При этом генеральный секретарь конгресса ссылался на негативный опыт прошлого:

Принимая во внимание это обстоятельство, а также то, что VII Международный генетический конгресс в связи с обстоятельствами времени (1937 г.) был перенесен из Москвы в Эдинбург, что крайне отрицательно сказалось на международном престиже советской науки, я обращаюсь к Вам с просьбой принять все меры для того, чтобы те вопросы, которые затронуты в письме проф. Д. Перкинса, получили бы положительное решение¹⁰³.

Для того чтобы понять, что же в действительности так взволновало Беляева, следует обратиться непосредственно к письму Перкинса. Названный документ также имеется в рассматриваемом деле, поэтому будет уместно привести цитату из него:

Мы должны быть готовы к тому, что два или более генетиков, бывших советскими гражданами, легально эмигрировавших из СССР в последние годы, подадут заявку на посещение конгресса. Если им будет отказано по причине бывшего советского гражданства, это крайне неблагоприятно скажется на посещении и участии американских генетиков в конгрессе...¹⁰⁴

¹⁰² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 348. Л. 1–2.

¹⁰³ Там же. Л. 2.

¹⁰⁴ Там же. Л. 5.

Представляет интерес справка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС по данному вопросу. В частности, в документе, подписанном зам. зав. отделом С. Щербаковым, говорилось:

По сообщению Президиума АН СССР (т. Скрябин Г. К.), вопрос о предоставлении въездных виз иностранным участникам Конгресса будет решаться в установленном порядке. С т. Беляевым Д. К. беседовали, ему даны соответствующие разъяснения о порядке решения поставленных им вопросов ¹⁰⁵.

Судя по данной справке, названные Беляевым проблемы не произвели большого впечатления на партийных чиновников. В то же время, согласно приведенной выше информации, проблемы с участием американских генетиков все равно возникли, но мотивировка бойкота была несколько иной. Не исключено, что в данном случае ученые стали заложниками политики США, стремившихся во что бы то ни стало дискредитировать СССР в глазах мирового сообщества. При этом следует отметить, что рассматриваемая кампания была развернута в тот момент, когда отношения между двумя сверхдержавами неуклонно ухудшались. Как известно, первая половина и середина 1970-х гг. характеризовались «разрядкой» в отношениях между СССР и США, в особенности после серии переговоров Л. И. Брежнева и Р. Никсона в 1972–1973 гг. Это проявилось не только в инициативах по уменьшению военной напряженности (договоры о противоракетной обороне, ОСВ-1 и ОСВ-2), но и в развитии сотрудничества в области науки и техники (яркий пример – знаменитый космический проект «Союз – Аполлон» в 1975 г.). Однако начиная со второй половины 1970-х гг. «потепление» в международных отношениях сменилось резким усилением «холодной войны», особенно после прихода к власти в США Дж. Картера. Тем самым ситуация, сложившаяся вокруг XIV Международного генетического конгресса в Москве, ярко иллюстрировала всю сложность отношений между двумя странами, степень недоверия друг к другу и окончательное завершение процесса «разрядки».

Говоря о XIV Международном генетическом конгрессе и о его значении для отечественной биологической науки, нельзя не отметить еще один важный факт. Несмотря на внешний успех, подчеркиваемый советской пропагандой, участие отечественных генетиков в последующих конгрессах резко пошло на спад ¹⁰⁶.

Здесь следует сказать несколько слов в целом о развитии международных связей сибирских генетиков в рассматриваемые годы. Начиная со второй половины 1960-х гг. международные контакты Института цитологии и генетики СО АН заметно расширялись. Это проявлялось как в визитах известных зарубежных ученых, посещавших институт, так и в увеличении числа выезжавших за границу научных сотрудников ¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Там же. Л. 16.

¹⁰⁶ *Конашев М. Б.* Международные генетические конгрессы и советские генетики // *Историко-биологические исследования.* 2010. Т. 2. № 2. С. 21.

¹⁰⁷ *Шалимов.* Развитие генетики... С. 21.

Тем не менее, несмотря на некоторое усиление зарубежных контактов по сравнению с предшествующим периодом, здесь по-прежнему оставались серьезные проблемы. Например, в отчете о научно-исследовательской работе института за 1970 г. говорилось о необходимости проведения «постоянных консультаций у специалистов для совершенствования языковой подготовки», а также о необходимости организовать «длительные командировки сотрудников для стажирования в лучших зарубежных лабораториях»¹⁰⁸.

Серьезным препятствием являлся языковой барьер, и этот вопрос неоднократно поднимался на партийных собраниях института. В частности, на закрытом отчетно-выборном партийном собрании ИЦиГ СО АН, проходившем 3 ноября 1970 г., научный сотрудник института Н. Д. Тарасенко отметил:

Дирекции необходимо подумать о создании в институте группы синхронных переводчиков. Последний симпозиум по генетике онтогенеза показал, что здесь дело обстоит далеко не благополучно. Квалифицированных переводчиков институт должен иметь¹⁰⁹.

В институте предпринимались определенные шаги для решения данной проблемы, в частности, по воспоминаниям Драгавцева, в ИЦиГ СО АН были организованы бесплатные занятия по изучению английского языка, проводившиеся несколько раз в неделю¹¹⁰.

Как известно, «железный занавес» всегда создавал советским ученым немало проблем. Так, ряд документов свидетельствуют о том, что на протяжении всего изучаемого периода новосибирские генетики сталкивались с трудностями в этой сфере. Например, на открытом партийном собрании ИЦиГ СО АН, проходившем 30 декабря 1971 г., научный сотрудник М. Д. Голубовский задал вопрос: «Как выполняется план стажировки научных сотрудников за границей?», на который последовал ответ заместителя директора института В. К. Шумного: «План существует, но не выполняется по неизвестным причинам»¹¹¹. В другом случае на заседании ученого совета института, состоявшемся 10 сентября 1974 г., Р. П. Мартынова, говоря о заграничных командировках, пожаловалась на то, что «отказывают в поездке, так как одного человека не посылают». На эту реплику председатель комиссии по проверке института академик АН БССР П. Ф. Рокицкий ответил следующее: «Мы не имеем для этого компетенции – это дело вышестоящих организаций, но институт в целом имеет хорошие международные связи»¹¹².

В свою очередь, на заседании партбюро института, проходившего 20 января 1982 г., присутствовавшие выслушали «информацию секретаря партийной организации А. Д. Груздева о задачах и ответственности партийного бюро за подбор и подготовку сотрудников института в заграничные командировки и туристические поездки». Выступивший на рассматриваемом заседании Шумный отметил:

¹⁰⁸ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 201. Л. 44.

¹⁰⁹ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 739. Л. 39.

¹¹⁰ Личный архив автора. Интервью с доктором биологических наук, академиком РАСХН В. А. Драгавцевым от 25 марта 2012 г.

¹¹¹ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 740. Л. 68.

¹¹² НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 227. Л. 65.

В отдельных случаях служебные поездки за границу оформляются по звонкам соответствующих должностных лиц. Такие поездки заранее не спланированы и не подготовлены. В этих случаях нам надо особенно тщательно разбираться с тем, чтобы за границу ехали достойные товарищи ¹¹³.

На открытом партийном собрании от 21 апреля 1986 г. уже упоминавшийся Голубовский сетовал на то, что его

дважды приглашали за рубеж – в Югославию и Венгерскую академию, но оба раза эти возможности не использовались. Почему? Лишение контактов наносит удар по профессиональному росту ¹¹⁴.

При этом развитию международных связей генетиков препятствовали не только проблемы с выездом за границу отечественных ученых, но и сложности с приглашением зарубежных коллег. В частности, об этом свидетельствует отчет о научной командировке в Польшу в 1985 г. заведующей Лабораторией феногенетики поведения ИЦиГ СО АН Н. К. Поповой. В документе сообщалось:

Практически все польские исследователи, с которыми я встречалась, сожалели о том, что научные контакты с нашей страной в последние годы резко ослабели. Они отмечали, что для них не составляет труда поехать в научные командировки в страны Западной Европы и США, но чрезвычайно трудно – в нашу страну ¹¹⁵.

Как вспоминал Захаров-Гезехус, во второй половине 1960-х гг. за рубежом был большой интерес к советским генетикам. Это было вызвано уважением к крупным ученым, получившим широкую известность еще в довоенное время, и стремлением посмотреть, как они пережили гонения. Однако в дальнейшем представители «старой гвардии» генетиков уходили, а у зарубежных исследователей накапливалось раздражение на сложности общения с их советскими коллегами. Например, одним из таких негативных факторов были отказы в праве выезда советским генетикам, несмотря на приглашения из-за рубежа. Тем самым постепенно интерес иностранных ученых к генетическим исследованиям в СССР стал ослабевать ¹¹⁶.

Последствия сложившейся ситуации ярко иллюстрирует отчет старшего научного сотрудника ИЦиГ СО АН А. Д. Груздева о поездке в 1985 г. в Швейцарию:

Поражает полная неосведомленность зарубежных ученых о достижениях советской науки и образе жизни в нашей стране. Для обеспечения контактов, а также высоких темпов развития науки в СССР желательно не только более активное участие наших ученых в международных совещаниях, но и долгосрочные стажировки молодых советских ученых в передовых лабораториях Запада. Целесообразно резко увеличить число

¹¹³ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 751. Л. 55.

¹¹⁴ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 755. Л. 9.

¹¹⁵ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 384. Л. 22.

¹¹⁶ Личный архив автора. Запись беседы с членом-корреспондентом РАН, доктором биологических наук, профессором И. А. Захаровым-Гезехусом от 8 ноября 2012 г.

статей советских авторов, публикуемых за рубежом, упростив, например, процедуру оформления рукописей перед их отправлением¹¹⁷.

О последней из перечисленных выше проблем следует сказать особо. Еще в 1968 г. научные сотрудники ИЦиГ СО АН В. А. Ратнер и Л. И. Корочкин, участвовавшие в XII Международном генетическом конгрессе в Токио в 1968 г., подготовили статью «Генетика – 1968 г. на фоне Японии». В публикации с сожалением констатировалось:

Языковой барьер, незнание русского языка и отсутствие советских изданий на английском языке (как это практикуется в Венгрии, Польше и Чехословакии) делает мало доступными советские работы для западного читателя, несмотря на явный интерес к советской науке в целом с их стороны¹¹⁸.

Видимо, в последующие годы кардинальных изменений не произошло. Так, на одном из заседаний Объединенного ученого совета по биологическим наукам СО АН в 1984 г. Беляев сетовал:

Я заметил по таблице чрезвычайно низкий, близкий к нулю процент публикаций в большинстве институтов за границей. В чем тут дело? Почему наши институты так неактивны в пропаганде достижений советской науки за рубежом? Что же, у нас нет работ достаточного качества?¹¹⁹

Таким образом, на развитие международных контактов советских генетиков действовали как положительные, так и отрицательные факторы. С одной стороны, у некоторых ученых появилась возможность выезжать за рубеж, приглашать своих зарубежных коллег. Самым красноречивым примером преодоления советским генетическим сообществом международной изоляции явилось проведение XIV Международного генетического конгресса в Москве. С другой стороны, далеко не каждый ученый мог претендовать на заграничную поездку. Безусловно, подобное отношение советских властей было одним из главных тормозов в развитии международных контактов. Кроме того, сказывались языковые проблемы, ухудшение отношений между СССР и США.

¹¹⁷ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 384. Л. 80.

¹¹⁸ Ратнер В., Корочкин Л. Генетика – 1968 г. на фоне Японии // За науку в Сибири. 3 декабря 1968 г. № 47. С. 8.

¹¹⁹ НАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111. Л. 27. Показательно, что обсуждаемый вопрос поднимался и на других заседаниях совета. В частности, 31 октября 1978 г. с сообщением выступил Е. А. Лойко – заведующий редакцией биологической литературы Сибирского отделения издательства «Наука». Во время дискуссии член-корреспондент Ф. Э. Реймерс сказал: «...многие зарубежные ученые жалуются на то, что не имеют информации о нашей литературе и обращаются, чтобы резюме или предисловие было на иностранном языке, а титульный лист давать на русском и иностранном языке». В свою очередь, доктор биологических наук А. И. Черепанов отметил: «Был симпозиум международный, говорили, что плохо от нас книги получать, а книга и тема очень нужные. Неблагополучно с тиражированием [...] Плохо с пропагандой наших изданий, не все благополучно и наших изданий не знают не только за границей, но и у нас в стране» (НАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 98. Л. 34, 40).

Заключение

Пример крупнейшего в СССР генетического центра – Института цитологии и генетики СО АН, наиболее рельефно отображал ситуацию в советской генетике в рассматриваемый период. Возвращаясь к обозначенным в начале статьи трем аспектам развития генетики (материально-техническая база, политико-идеологический контекст и международные контакты), следует резюмировать, что каждый из них имел в эти годы позитивную и негативную составляющую.

Так, предпринимались некоторые шаги для улучшения материально-технического обеспечения исследований. Тем не менее советская плановая экономика на протяжении всего изучаемого периода так и не смогла дать ученым-генетикам все необходимое для работы. В свою очередь, политико-идеологический контекст изменился в лучшую сторону в сравнении с периодом лысенковщины. В то же время генетические исследования по-прежнему были сильно идеологизированы, о чем, в частности, свидетельствовала дискуссия «природа – воспитание». К тому же отсутствовала объективная история советской генетики, а открытая критика Лысенко была в значительной степени под запретом. При этом в партийно-государственных структурах и научно-образовательной сфере было много сторонников «народного академика». Что касается международных контактов, то они, безусловно, расширялись. Однако «железный занавес», трудности с выездом советских ученых за границу, наряду с языковым барьером и обострением «холодной войны», являлись существенным препятствием для полноценного включения советских генетиков в международное научное сообщество.

Таким образом, в развитии истории науки о наследственности в Новосибирском научном центре и в стране в целом в позднесоветскую эпоху 1970-х – середины 1980-х гг. определенно прослеживается два противоположных вектора. С одной стороны, генетические исследования в какой-то мере развивались, получая все большее признание в мировом научном сообществе и определенную поддержку от государственной власти. С другой, – деструктивное и тормозящее влияние оказывали политико-идеологические и экономические факторы застоя, проявившиеся в усилении идеологизации науки, продолжении негативного воздействия лысенковщины, а также неспособности или нежелании обеспечить необходимую материально-техническую базу, достойное финансирование исследований и решить социально-бытовые проблемы.

References

- Akif'ev, A. P. (2001) *Genetika i sud'by* [Genetics and Fates]. Moskva: Tsentrpoligraf.
- Aleksandrov, V. Ia. (1992) *Trudnye gody sovetskoi biologii: zapiski sovremennika* [The Harsh Years of the Soviet Biology: A Contemporary's Notes]. Sankt-Peterburg: Nauka, 1992.
- Argutinskaia, S. V. (1991) Dmitrii Konstantinovich Beliaev (biograficheskii ocherk) [Dmitrii Konstantinovich Beliaev (A Biographical Sketch)], in: Shumnyi, V. K. and Ruvinskii, A. O. (eds.) *Problemy genetiki i teorii evoliutsii* [The Problems of Genetics and of the Theory of Evolution]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO AN.
- Argutinskaia, S. V. (2002) Dima [Dima], in: Shumnyi, V. K. (ed.) *Dmitrii Konstantinovich Beliaev: kniga vospominanii* [Dmitrii Konstantinovich Beliaev: The Book of Recollections]. Novosibirsk: Geo, pp. 5–71.

- Babkov, V. V. (2008) *Zaria genetiki cheloveka. Russkoe evgenicheskoe dvizhenie i nachalo genetiki cheloveka [The Dawn of Human Genetics. The Russian Eugenic Movement and the Beginning of Human Genetics]*. Moskva: Progress-Traditsiia.
- Barabanshchikov, B. I. and Ermolaev, A. I. (2011) Kazanskii universitet v period lysenkovshchiny [Kazan University at the Times of Lysenkoism], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia (Studies in the History of Biology)*, vol. 3, no. 2, pp. 54–65.
- Dragavtsev, V. A. (2002) Zabota o chelovechestve [Concern about Humanity], in: Shumnyi, V. K. (ed.) *Dmitrii Konstantinovich Beliaev: kniga vospominanii [Dmitrii Konstantinovich Beliaev: The Book of Recollections]*. Novosibirsk: Geo, pp. 133–142.
- Dragavtsev, V. A. (2011) Novosibirskie genetiki i istoriia genetiki: razmyshleniia nad knigoi S. V. Shalimova “Spasenie i vrozozhdenie”: istoricheskii ocherk razvitiia genetiki v Novosibirskom nauchnom tsentre v gody “ottepeli” [Novosibirsk Geneticists and the History of Genetics: Reflections on S. V. Shalimov’s Book “Rescue and Revival”: The Historical Essay on the Development of Genetics in the Novosibirsk Scientific Center in the “Thaw” Years], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia (Studies in the History of Biology)*, vol. 3, no. 4, pp. 136–138.
- Dubinina, N. P., Karpets, I. I. and Kudriavtsev, V. N. (1982) *Genetika, povedenie, otvetstvennost’ (O prirode antiobshchestvennykh postupkov i putiakh ikh preduprezhdeniia) [Genetics, Behaviour, Responsibility (On the Nature of Asocial Acts and the Ways to Prevent Them)]*. Moskva: Politizdat.
- Graham, L. R. (1991) *Estestvoznaniie, filosofiiia i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soiuzie [Science, Philosophy, and the Human Behavior in the Soviet Union]*. Moskva: Politizdat.
- Josephson, P. (1997) *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton: Princeton University Press.
- Knorre, D. G. (2011) *Perekrestki moei zhizni: Vospominaniia o prozhitykh godakh [The Crossroads of My Life: The Memories]*. Novosibirsk: NGU.
- Kolchinskii, E. I. and Konashev, M. B. (2003) Kak i pochemu “Pravda” uchila “Botanicheskii zhurnal” [How and Why Did Pravda Teach the Journal of Botany a lesson?], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 4, pp. 49–74.
- Konashev, M. B. (2010) Mezhdunarodnye geneticheskie kongressy i sovetskie genetiki [International Genetics Congresses and Soviet Geneticists], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia (Studies in the History of Biology)*, vol. 2, no. 2, pp. 9–24.
- Krivososov, Iu. I. (1993) Neudavshiisya proekt [The Failed Project], *Chelovek*, no. 4, pp. 38–45.
- Kupershtokh, N. A. (1999) *Kadry akademicheskoi nauki v Sibiri (seredina 1950-kh – 1960-ye gg.) [The Personnel of Academic Science in Siberia (mid 1950s – 1960s.)]*. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN.
- Kupershtokh, N. A. (2011) *Ocherki o liderakh akademicheskoi nauki Sibiri [Essays about the Leaders of Academic Science in Siberia]*. Novosibirsk: Geo.
- Levina, E. S. (2013) Organizatsiia nauki v SSSR 1960-kh – 1970-kh gg.: prognoz V. A. Engel'gardta [The Organization of Science in the USSR in the 1960-s – 1970s: The Forecast of Vladimir Engel'gardt], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, vol. 5, no 4, pp. 44–66.
- Medvedev, Zh. A. (1993) *Vzlet i padenie Lysenko [The Rise and Fall of Lysenko]*. Moskva: Kniga.
- Sakanian, E. S. (2000) Liubov' i zashchita [Love and Protection], in: Timofeev-Resovskii, N. V. *Istorii, rasskazannye im samim, s pis'mami, fotografiiami i dokumentami [Stories Told by Himself, with Letters, Photographs, and Documents]*. Moskva: Soglasie.
- Sapunov, V. (2004) Geneticheskie osnovy prestupnosti s tochki zreniia Ch. Lombrozo and L. Berii [Genetical Basis of Crime According to C. Lombroso and L. Beria], *Chudesa i priklucheniia*, no. 8, pp. 36–39.
- Shalimov, S. V. (2011) “Spasenie i vrozozhdenie”: istoricheskii ocherk razvitiia genetiki v Novosibirskom nauchnom tsentre v gody “ottepeli” (1957–1964) [“Rescue and Revival”: The Historical Essay on the Development of Genetics in the Novosibirsk Scientific Center in the “Thaw” Years (1957–1964)]. Novosibirsk: Manuskript.
- Shalimov, S. V. (2013) Razvitie genetiki v Novosibirskom nauchnom tsentre vo vtoroi polovine 1960-kh godov: sotsial'no-istoricheskii aspekt [The Development of Genetics at the Novosibirsk Scientific Center in the Second Half of 1960s: Its Social and Historical Aspects], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia (Studies in the History of Biology)*, vol. 5, no. 1, pp. 16–32.
- Sostoianie i dal'neishee razvitie genetiki v SSSR (1970) [The State and Further Development of Genetics in the USSR], *Vestnik AN SSSR*, no. 9, pp. 3–10.